

Лидерство в современных международных отношениях*

Александр Михайленко

Внешнеполитическое лидерство в «зоне турбулентности»

Выступая на 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2011 г., министр иностранных дел России С.В.Лавров заявил, что сегодня международные отношения находятся в «зоне турбулентности».

«Подобно тому, как судно, попавшее в неблагоприятные погодные условия, нуждается в дружной команде и компасе, позволяющем прокладывать правильный курс, мировому сообществу сегодня особенно необходимо сложение усилий в поиске ответов на общие вызовы, четкие ориентиры в работе по укреплению механизмов глобального управления»¹, – сказал он.

Метафору турбулентности С.В.Лавров использовал и в заключительной статье об итогах 2011 г. во внешней политике России².

Под образ турбулентности подпадают многие современные мировые тенденции. Как и любая метафора, данное образное выражение имеет ограничения. Турбулентность в международных связях создают не внешние природные силы, как шторм в океане, а сами действующие лица мировых процессов. Они делают это по своей воле, пытаются таким образом добиться реализации своих национальных интересов. Следует задуматься и над тем, удастся ли даже при дружных усилиях мирового сообщества быстро выйти на тихую воду, как это получается у команды судна после того, как буря стихнет и вновь

МИХАЙЛЕНКО Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: anmikh@mail.ru

Ключевые слова: лидерство, турбулентность, «умная» сила, коллективное лидерство, энергетическая сверхдержава, постсоветское пространство, приграничье.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Концептуальные основы развития приграничья в контексте национальной безопасности России» (№ 12-03-00002).

засияет солнце. Практика современных международных отношений свидетельствует о том, что бури разной природы следуют одна за другой не стихая: от мирового экономического кризиса и проблем евро до «арабской весны» и ядерной программы Ирана к новой волне экономического кризиса.

Метафора турбулентности стала в последнее время довольно популярной при характеристике современных международных дел.

Ее использует и бывший государственный секретарь США, а ныне профессор политологии Стэнфордского университета К. Райс, характеризуя события начала 2011 г. в Египте³. Она пишет, что следующие месяцы и даже годы будут в данном регионе турбулентными. Но эта связанная с демократическими преобразованиями турбулентность, по ее мнению, предпочтительнее «фальшивой стабильности авторитарного режима».

Развитие событий на севере Африки, например, результаты парламентских выборов в Египте и «послереволюционные» события в Ливии показывают, что ожидать скорого выхода стран региона (и всего мира) из зоны турбулентности не приходится.

Известный западный социолог З. Бауман также использует метафору турбулентности⁴.

Однако в его представлении современное мировое сообщество напоминает скорее самолет в небе, чем судно в море. Его пассажиры, ощутив тряску и испытывая беспокойство, обнаруживают, что в кабине самолета пилота нет, а сам лайнер на огромной скорости движется в неизвестном направлении.

Метафора З. Баумана более точно отражает современное состояние международных отношений. Сегодня становится все меньше четких ориентиров движения, стрелка ком-

паса пока по не до конца ясным причинам поворачивается в разные, порой противоположные стороны, а то направление, которое еще вчера считалось правильным, сегодня уже таковым не является. Мир становится все более неопределенным, противоречивым, конфликтным. В этих условиях значительно усиливается потребность в лидерстве, поскольку нужно принимать новые сложные решения, а не просто плыть по течению или выполнять команды сверху.

Ведущий американский политолог З. Бжезинский рассматривает варианты потери американцами лидирующей, как он ее оценивает, роли в современном мире. Он считает, что в случае резкого кризиса американской системы новый мировой лидер не появится даже к 2025 г.

«Ни одна держава не будет готова к этому сроку играть ту роль, которую мир, после распада Советского Союза в 1991 году, ожидал от Соединенных Штатов: роль лидера нового, кооперативного в глобальном масштабе мирового порядка»⁴. (Заметим, что еще круче президент Б. Обама: по его мнению, Америка будет лидировать следующие 100 лет⁵).

Неопределенность на международной арене и потенциальные фатальные риски таковы, по мнению З. Бжезинского, возможные последствия резкого упадка США. По взглядам американского политолога, это понимают и зарубежные партнеры Вашингтона. Он приводит просьбу одного высокопоставленного китайского государственного деятеля, который в порыве откровенности сказал американскому коллеге: «Пожалуйста, не дайте Америке прийти в упадок слишком быстро».

Без лидерства сегодня мировое развитие будет серьезно затруднено. Итоговая редакционная статья (за 2011 г.) известной британской газеты *Daily Telegraph* озаглавлена «Помянутся ли в 2012 г. лидеры, в которых нуждается мир?»⁷.

Лидер способен усмотреть в разнородных фрагментах действительности элементы новизны и из кусочков мозаики составить целостную картину, соответствующую тенденциям развития, и дать им определение. Он может, пусть вначале наощупь, найти проблески преобразования турбулентного в динамичное и наметить пути необходимых совместных преобразований.

В этом смысле суть лидерства выразил Ф.Ницше: «Возобладать над хаосом, каким мы являемся, заставить свой хаос стать формой, стать необходимостью в форме; стать логичным, простым, недвусмысленным, математикой; стать законом – вот в чем тут амбиция»⁸.

Российский исследователь Э.Я.Баталов выделяет ряд критериев, которыми должен соответствовать лидер.

По его мнению, лидер играет важную роль в регулировании социально-политических процессов в рамках данной общности. Он обладает общепризнанным авторитетом и рассматривается как пример для подражания окружающими. Он умеет входить в положение других членов общности и учитывать их интересы при принятии решений. Лидер отвечает перед сообществом за проводимый им курс развития. Наконец, лидер, как правило, значительно превосходит других членов сообщества по своей интегральной силе и имеет достаточные ресурсы для реализации своей лидерской функции⁹.

Какие же качества присущи сегодня мировому лидеру? Проведенное авторитетным германским социологическим Фондом Бертельсманна исследование выявило следующие наиболее важные качества мировой державы:

- экономическая мощь и потенциал роста – 52%;
- политическая стабильность – 49%;
- развитый образовательный и научно-исследовательский сектор – 44%;
- наличие значительных природных ресурсов – 24%;
- потенциал лидерства в решении международных проблем и обеспечении безопасности – 23%;
- социально-экономическая модель, к которой стремятся другие страны – 21%;
- военная мощь – 21%;
- инновационность и приспособляемость – 18%¹⁰.

Отметим особо второстепенную, если не сказать решительнее, роль военного фактора в современных представлениях о ведущих качествах мировой державы.

Все эти элементы неоднократно подвергались анализу, классифицировались по различным признакам, например на «жесткую» и «мягкую» силы, и о них уже имеется большая библиография¹¹.

Что же касается интегральной силы лидера, о которой упомянул Э.Я.Баталов, то особый интерес в этом плане представляет понятие «умной» силы как эффективной интеграции «жесткой» и «мягкой» сил¹². Между «умной» силой и лидерством имеется взаимосвязь. Так, И.Чихарев полагает, что «умная» мощь представляет собой комплексную модель

современного мирового лидерства. Она включает в себя информационно-интеллектуальное влияние, многосторонность, способность продуктивно управлять международным развитием и решать глобальные проблемы.

«Умная» мощь обладает свойством эффективно мобилизовать все доступные ресурсы в политических целях и оптимально ими распоряжаться. «Умная» мощь – это и скорость обработки информации, коммуникативная мобильность, способность вести информационную войну и политические кампании в мировых СМИ. Еще одно универсальное свойство «умной» силы состоит в способности страны генерировать новые идеи, технологии и институты¹³.

Существенное значение в интеграции лидерских возможностей страны имеет личность ее руководителя. Во многих странах мира, в том числе и в России, существуют кон-

ституционные положения о том, что именно высшее должностное лицо государства определяет основные направления внешней политики и осуществляет руководство ею. Пример отдельных стран показывает, насколько эффективными могут быть в этом отношении руководители государств¹⁴.

Но на этот счет есть и альтернативная точка зрения. Так, О.А.Смирнова и Д.М.Золина считают, что «роль лидера, его личностные характеристики оказывают влияние на формирование политики страны, но чем устойчивее общество, чем выше уровень его политической культуры и гражданского самосознания, тем меньшее влияние оказывает лидер на формирование внешнеполитической стратегии»¹⁵.

Кроме того, следует обратить внимание на необходимость различать понятия лидерства, гегемонии, имперскости, доминирования и др.

Лидерство в стратегии ведущих стран мира

В различных странах развитию лидерства уделяется значительное внимание. Особенно ярко это проявляется в политике **Соединенных Штатов Америки**.

В 1998 г. госсекретарь М. Олбрайт заявила: «Если мы должны будем применить силу (против Ирака. – Авт.), то это потому что мы – Америка. Мы – незаменимая (*indispensable*) страна. Мы находимся высоко и видим будущее лучше, чем другие страны»¹⁶.

Не следует думать, что это высказывание – высокомерная случайность из прошлого века.

В одном из интервью (октябрь 2011 г.) госсекретарь Х.Клинтон говорит о том же: «Несмотря на сложные обстоятельства, в которых

президент Обама и я начали нашу работу, мы укрепили американское лидерство. Мы будем продолжать лидировать, несмотря на то что другие страны приближаются к переднему краю. Мы будем лидерами, потому что лидировать – это американская судьба»¹⁷.

Подобное мессианское представление об американской судьбе прививается американцам с молоком матери.

Например, известна шутка о том, что когда знаменитый американский спортсмен и актер с мировым именем Чак Норрис прыгает в воду, то это не он становится мокрым, а вода становится чакноррисовой.

Стратегия глобального лидерства остается основополагающей в аме-

риканской внешней политике¹⁸. В соответствии с происходящими на международной арене изменениями в нее вносятся определенные коррективы.

В разработанной администрацией Б. Обамы Стратегии национальной безопасности (2010 г.), в частности, говорится: «Наша стратегия национальной безопасности сфокусирована, таким образом, на обновлении американского лидерства с тем, чтобы мы могли более эффективно продвигать наши интересы в 21-м веке»¹⁹.

В чем же состоит это обновление?

В последние годы американцы осознали, что они не в состоянии быть мировым жандармом: слишком велики затраты и потери. Поэтому в СНБ-2010 говорится о необходимости поддерживать существующие военно-политические союзы и формировать новые. Подчеркивается необходимость в том, чтобы партнеры брали на себя часть ответственности и расходов на проведение крупных операций по обеспечению глобальной безопасности.

Что касается одновременного лидерства нескольких стран в международных отношениях, то здесь позиция США очевидно отрицательная.

Президент Б. Обама говорит: «Существует сильная вера в то, что мы продолжаем оставаться супердержавой, возможно, уникальной в анналах истории»⁶.

В американском дискурсе об уникальности США часто говорят об исключительности (*American Exceptionalism*). Профессор Р. Фарлей показывает, что эта исключительность во многом базируется на размерах американской экономики и гигантских военных расходах страны. Он пишет,

что в международных отношениях нужна лидерская роль, и ее, как гегемон, выполняет самое сильное государство в мире. Ученый считает, что наиболее точно исключительная роль США определена в морской стратегии страны, согласно которой американцы являются первыми среди равных в отношении ответственности за международные морские дела²⁰.

Это положение об уникальности явно заметно на примере отношений США с Великобританией, которую Вашингтон в связи с ростом значимости других стран мира (Китай, Индия и др.) сегодня переводит из разряда «особых отношений» в «нормальные», т.е. обычные.

События в Ливии 2011 г. показали, что американцы до определенного времени не вмешиваясь в них, хотели проучить европейцев за сокращение военных расходов в государствах-союзниках по НАТО. В ответ на усиление позиций Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе американцы объявили о том, что они возвращаются в Азию и что этот регион становится «стержнем» (*pivot*) американской политики.

Еще в 1995 г. президент Б. Клинтон, обращаясь к членам Объединенного комитета начальников штабов, заявил, что «США разрешат России быть, но не разрешат ей быть великой державой»²¹.

США пытаются играть лидерскую роль на всех направлениях, в том числе в международных организациях, членами которых они являются. Таким образом они себя позиционируют, например, во Всемирной торговой организации. В Повестке дня на 2011 г. и ежегодном докладе президента США за 2010 г. отмечается,

что ВТО продолжает оставаться одной из основ американской торговой политики, двигателем развития экономики страны, а также глобального развития. Президент Б.Обама подчеркивает, что США играют в ВТО лидирующую роль. Поэтому объединения, в которых участвуют американцы, как правило, объявляются лидерами в своей области.

Так, в новой Стратегической концепции НАТО «Активное участие, современная оборона» (ноябрь 2010 г., Лиссабон) говорится: «Мы, политические лидеры НАТО, полны решимости продолжать обновление нашего альянса с тем, чтобы он соответствовал своему назначению в ответе на вызовы безопасности 21 века. Мы твердо привержены сохранению его эффективности в качестве наиболее успешного политико-военного альянса всего мира»²².

Если международная организация не соответствует лидирующей роли США, американцы могут принимать в отношении нее довольно жесткие меры. Например, они перестали платить членские взносы в ЮНЕСКО после того, как эта организация в 2011 г. признала независимость Палестины.

Как пишет американский исследователь Г.Глисон, «Соединенные Штаты не совершенны и американское лидерство не является идеальным решением всех мировых проблем, но когда альтернативы ему неприемлемы, Соединенные Штаты, как можно ожидать, будут готовы действовать»²³.

Другая сторона медали состоит в том, что попытки США быть лидером в самостоятельном качестве или в рамках международных объединений далеко не всегда оказываются успешными. Мало просто называться лидером, нужно, чтобы тебя таким признали другие. Если же по-

добное признание затруднительно, американцы проводят сложную политику маневрирования, как они это делают, например, сегодня в отношении Международного уголовного суда.

Осуществление стратегии лидерства в каждой из американских администраций имеет свои особенности.

Сравнивая внешнюю политику Б.Обамы с политикой предыдущей администрации Дж.Буша, заместитель министра иностранных дел России С.А.Рябков отмечает ряд различий: «Она более интеллигентная, она более гибкая и более открытая к импульсам извне. Америка при Обаме вообще более склонна работать в многосторонних, в партнерских форматах, более склонна договариваться. У них есть целый ряд терминов, которые описывают эту политику, в том числе *leadership from behind* – лидерство необязательно в авангарде, а по-чапаевски гибко. Где должен быть командир? Иногда и немножко сзади»²⁴.

С учетом особенностей отношений России со странами ближнего зарубежья Москва вполне могла бы воспользоваться этими американскими подходами при разработке концепции развития своего лидерства на постсоветском пространстве.

Американские политологи глубоко изучают проблемы лидерства США в современном мире. Известный американский ученый Дж.Наймладший считает, что нынешнее сокращение расходов Государственного департамента нанесет сильный удар по американской «умной» силе²⁵.

Если военные расходы США, представляющие «жесткую» силу составляют более 0,5 трлн долл. (без расходов на операции в Ираке и Афганистане), то бюджет Государственного департамента не дотягивает и

до 40 млрд. А ведь именно внешнеполитическое ведомство, наряду с программами международной помощи, должно осуществлять проекты, направленные на повышение привлекательности Америки.

Между тем Комиссия конгресса США по «умной» силе (*bipartisan Smart Power Commission*) еще в 2007 г. сделала вывод, согласно которому имидж и влияние США за рубежом за последние годы постоянно ухудшаются. Комиссия также предложила перейти от экспорта американцами страха к экспорту оптимизма и надежды²⁶.

«Умная» сила – это способность соединить «жесткую» силу принуждения с «мягкой» силой привлекательности в одну успешную стратегию. Дж. Най-мл. делает вывод о том, что в последние годы американцы делали слишком большой упор на принуждение. Вашингтону нужно более умело использовать такие инструменты, как общественная дипломатия, радиовещание, программы обменов, международная помощь, спасательные операции в случае чрезвычайных ситуаций и др.

«Лидерство в глобальный информационный век, – продолжает Дж. Най-мл., – это не стремление быть королем на горе и подавать команды, которые будут передаваться сверху вниз. Это личность в центре круга, которая привлекает и убеждает других принять участие. В таких ситуациях решающими являются и «жесткая» сила принуждения, и «мягкая» сила привлекательности и убеждения. Американцам нужно лучше понять оба эти измерения «умной» силы»²⁷.

Очевидно, что данные выводы американского политолога касаются не только США.

Иногда лидерство ошибочно понимается как всезнайство и вседозволенность. Попытки везде быть первым могут дорого стоить как материально, так и в плане человеческих жертв. В США, например, сегодня очевидна усталость от неправильно понятого лидерства после затяжных военных кампаний в Ираке и Афганистане.

Согласно данным Института Гэллага, в 2011 г. только 16% американцев хотели бы, чтобы США играли в мире лидирующую (*leading*) роль.

50% населения США – сторонники значительной (*major*) роли их страны в мировых делах, 32% – незначительной (*minor*) роли и, наконец, 7% вообще не хотели бы, чтобы Америка играла какую-то роль на мировой арене²⁸.

Поэтому в новой Стратегии национальной безопасности США (2010 г.) отмечается необходимость развития коллективной ответственности и распределения среди западных партнеров расходов на разрешение глобальных проблем.

Действительно, происходящие изменения требуют внесения корректив в стратегию американского лидерства.

Так, по мнению президента влиятельного вашингтонского Совета по внешней политике, а в прошлом начальника отдела планирования Госдепартамента США Р. Хаасса, сегодня необходимо изменить американскую внешнеполитическую доктрину. Новая «доктрина восстановления» (*Restoration doctrine*) должна способствовать воссозданию способности США лидировать в мире²⁹.

Предлагаемая Р.Хаассом доктрина не предусматривает изоляции США, наоборот, она направлена на более эффективное использование имеющихся ресурсов для достижения внешнеполитических целей. Несмотря на частности, американская стратегия, как показывает анализ, во все времена была направлена на обеспечение глобального лидерства для эффективной реализации собственных национальных интересов.

О своих лидерских амбициях задумываются и другие мировые державы. В последние годы появляется все больше оснований для признания лидерских качеств **в Китае**.

Страна занимает первое место в мире по численности населения и по объему внешней торговли, второе место по объему валового внутреннего продукта. Пекин уже не может отстраненно смотреть на происходящее в мире и отходит от заложенного еще Дэн Сяопином принципа «моя хата с краю». Турбулентность в международных отношениях касается его интересов весьма сильно.

Например, во время событий в Ливии (2011 г.) китайцам пришлось эвакуировать из охваченного огнем региона 35 тыс. своих граждан. (Для сравнения: России пришлось эвакуировать всего около 1 тыс. чел.)

Руководство КНР признает ответственность за развитие не только самого Китая, но и мира в целом.

Член Госсовета КНР Дай Бинго утверждает, например, что «Китай, прежде всего, несет ответственность за 1,3 миллиарда китайского народа и одновременно за народы всего мира, за мир и развитие во всем мире»³⁰.

Но что означает «нести ответственность»? М.В.Мамонов предлагает считать ответственной «вели-

кую державу, способную ограничивать свои амбиции»³¹.

Обращает внимание и способность Китая объединить («гармонизировать») порой кажущиеся противоположными качества мировой державы.

Говоря о статусе Китая в современной системе международных отношений, Т.В.Колпакова высказывает следующее мнение: «Несмотря на то что в идеологическом плане Китай определяет себя главным образом как “ответственную великую развивающуюся державу”, в каждом отдельном случае в зависимости от ситуации он выбирает статус “глобальной державы”, “региональной державы” или (уже достаточно редко) “развивающегося государства”»³².

Китай чувствует себя в равной степени комфортно в компании как развитых, так и развивающихся государств. С одной стороны, политики говорят о возникновении противоречивого союза двух крупнейших стран мира – США и Китая («Кимерики») в целях развития глобального регулирования, а с другой – исследователи внимательно следят за попытками более тесного сотрудничества нового объединения развивающихся стран БРИКС. Как бы то ни было, роль Китая в мировых делах непреклонно возрастает и требует концептуализации. Особого внимания с этой точки зрения заслуживает китайская концепция «гармоничного мира».

Стремление осуществлять лидерские функции проявляют и другие крупные страны мира. Известный французский философ М.Фуко использует метафору «Рим» в качестве великой державы или империи: «Франция должна стать другим Римом, независимым от Рима, но все же Римом»³³.

Франция проявила лидерские качества в ходе прекращения военных действий между Россией и Грузией (август 2008 г.).

Н.Саркози вместе с Д.Кэмероном был застрельщиком военных действий в Ливии в 2011 г. Возвращение Франции в военные структуры НАТО в 2009 г. многие политики также расценивают как попытку Парижа занять более значительное место в военном планировании Запада. Что же касается «мягкой» силы, то Франция очень активно использует в этих целях международное сотрудничество франкоязычных стран (франкофония), в котором сегодня участвует почти 60 стран мира.

Во Франции, в отличие от США, считают возможным существование лидерства нескольких стран в одной упряжке. В октябре 2010 г. Франция заключила с Великобританией договор в сфере обороны и безопасности, в соответствии с которым две страны объединяют усилия для повышения эффективности в данной области и одновременно экономии средств. Многие политики рассматривают этот тандем как лидерский в европейской военной политике. Таков же подход Франции и к экономическому сотрудничеству.

Сегодня многие политики и ученые отмечают явно складывающийся лидерский дуэт Германии и Франции в условиях серьезной экономической угрозы зоне евро и всей европейской интеграции в целом.

Тесно работающий с Н.Саркози советник А.Минц (*Alain Minc*) в интервью газете «*Spiegel*» охарактеризовал отношение своего шефа к германскому канцлеру следующим образом: «Саркози научился любить Ангелу Меркель».

Положение о лидерстве **Великобритании** в мировых делах неоднократно встречается в ее Стратегии национальной безопасности (2010 г.).

Отмечается, что страна является «глобальным лидером в науке и технологиях, медицине, креативной индустрии, СМИ и спорте, а также родиной нескольких самых лучших университетов в мире»³⁴.

В документе указывается также, что Великобритания является мировым лидером в борьбе с бедностью и одной из немногих крупных стран, которые выполняют обязательства по помощи в развитии бедных стран.

В Стратегии подчеркивается, что Великобритания занимает уникальную позицию в качестве ключевого члена ряда международных организаций (ООН, НАТО, ЕС, G-8, G-20, Содружество).

После смены правительства в 2010 г. Лондон проявляет гораздо больше активности на международной арене на основе концепции «глобальной вовлеченности» Д.Кэмерона и Н.Клегга.

Как уже отмечалось, лидерство может быть связано с крупными материальными и человеческими потерями, что приводит к тщательной оценке его значимости и содержания.

Примером в этом плане может служить **Германия**. Если после ее объединения в конце XX в. в европейских странах возродились страхи о германском гегемонизме, то сегодня все чаще слышны опасения относительно недостаточной лидерской роли Берлина в Европе. Особенно заметно это опасение проявилось во время современного финансового кризиса и необходимости выкупа суверенных долгов ряда стран Европы.

Между тем в самой Германии все чаще говорят о желании стать *Magna Helvetia*, Большой Швейцарией, т.е.

благополучной, стабильной, нейтральной страной, которой до других дела нет³⁵.

В то же время Берлин с неудовлетворением отмечает уменьшение своего влияния на международной арене. Так, авторитетный еженедельник «*Spiegel*» обращает внимание на то, что за последние годы Германии не удалось провести в руководство крупнейших международных организаций ни одного немца.

Последними примерами в этом плане стали назначения на должности директора-распорядителя Международного валютного фонда француженки К.Лагранд, а на должность президента Европейского центрального банка итальянца М.Драги. Не совсем удачным для Германии было и решение в последнее время кадровых вопросов в Европейской комиссии.

Бывший министр иностранных дел Германии Й.Фишер считает, что с этой точки зрения его страна как ведущая европейская держава проигрывает другим государствам.

В последние годы развивает свой лидерский потенциал в регионе Средиземноморья и Ближнего Востока **Турция**.

В прошедшее десятилетие экономика страны росла очень быстрыми темпами. Возвращаются домой турки, которые многие годы работали в европейских странах.

Министр иностранных дел А.Давутоглу заявляет, что «мир ожидает великих вещей от Турции, и мы полностью понимаем свою ответственность за тщательную внешнюю политику»³⁶.

Стамбул ставит перед собой на следующее десятилетие крупные внешнеполитические задачи. Он планирует вступить в ЕС и стать там влиятельным членом. Будет продолжен курс на региональную интеграцию. Турция будет стараться играть важную роль в разрешении региональных конфликтов. Одновременно она будет активно участвовать в решении глобальных вопросов. Наконец, Стамбул будет играть «решающую роль» (*determining role*) в международных организациях и войдет в десятку самых крупных экономик мира.

Читатели журнала «*Time*» в конце 2011 г. выбрали премьер-министра Турции Р.Эрдогана персоной года. Данных результатов Турция достигает, как заявляет А.Давутоглу, благодаря трем методологическим и пяти операционным принципам внешней политики.

Таким образом, забота о лидерских позициях на мировой арене присутствует во внешнеполитической повестке дня крупнейших мировых держав.

Лидерская роль России

Лидерство – это амбиция, о которой говорил Ф.Ницше. Есть ли такая в хорошем смысле слова амбиция у России?

В соответствии с положениями, заложенными в основополагающих внешнеполитических документах страны, таких амбиций у России в настоящее время нет.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. непрямо указывается, что «Российская Федерация обладает достаточным потенциалом для того, чтобы рассчитывать на создание в среднесрочной перспективе условий для ее закрепления в числе государств-лидеров в мировой экономике на основе эффективного участия в мировом разделении труда, повышения глобальной конкурентоспособности националь-

ного хозяйства, оборонного потенциала, уровня государственной и общественной безопасности»³⁷.

Между тем в российской науке и других формах общественного сознания такие амбициозные проекты существуют.

Например, много интересных мыслей на этот счет высказывает С.В.Кортунов. А.В.Бузгалин обосновывает возможность глобального культурного лидерства России. Патриарх Кирилл считает, что миссия России в мире могла бы состоять в отстаивании правды³⁸.

Вряд ли было бы оправданно ожидать от России заявки на абсолютное лидерство в современном мире. Недавние попытки гораздо более мощных в экономическом и военном планах США выступать в качестве супердержавы потерпели крах. Однако лидерство принципиально отличается от гегемонизма. В этом плане отметим содержащуюся в Концепции внешней политики Российской Федерации (2008 г.) мысль о том, что «Россия придает большое значение повышению управляемости мирового развития, созданию саморегулируемой международной системы, что требует коллективного лидерства ведущих государств мира, которое должно быть представительным в географическом и цивилизационном отношении и осуществляться при полном уважении центральной и координирующей роли ООН»³⁹.

Каким же образом Россия может участвовать в этом «коллективном лидерстве»? Данный вопрос необходимо рассматривать в региональном и отраслевом разрезах.

В региональном аспекте Россия имеет полные основания для осуществления лидерских функций как в

Арктике, так и на постсоветском пространстве.

Территория России составляет более 5 пространства СНГ. Примерно такую же долю составляет и доля ВВП России в валовом региональном продукте.

Население России – это больше половины населения стран ближнего зарубежья. Русский язык является крупнейшим мировым языком, он занимает пятое место в мире по количеству говорящих на нем людей, а в странах СНГ доля русскоговорящих (и русскомыслящих) весьма существенна.

При разрешении локальных конфликтов на постсоветском пространстве можно неоднократно слышать утверждение о том, что ключи к этим процессам находятся в Москве. Однако ни в одном российском внешнеполитическом документе не ставится задача лидерства России в СНГ. Между тем такая позиция вполне обоснована. Может ли Россия претендовать на лидерские функции в мире, если она даже не ставит такую задачу в своем ближайшем окружении?

То же самое касается и лидерства СНГ в мировом масштабе. Содружество обладает значительным потенциалом для лидерства.

Оно занимает 16,4% мировой территории. На долю СНГ приходится примерно 20% мировых запасов нефти, 40% природного газа, 25% угля, 10% производства электроэнергии, 25% мировых запасов леса, почти 11% мировых возобновляемых водных ресурсов и 13% пахотных земель.

Однако в сфере производства товаров и услуг доля СНГ незначительна, как незначительна она в мировой торговле и научных исследованиях.

В основополагающих и аналитических документах Содружества – Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств, Стратегии экономического

развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 г., Аналитическом докладе «Итоги деятельности СНГ за 20 лет и задачи на перспективу» – нет ни слова о лидерской роли данного интеграционного объединения в мировом сообществе.

Опыт зарубежных стран, стремящихся к лидирующим позициям, свидетельствует об их весьма активной политике в отношении соседних стран. Один из операционных принципов современной внешней политики Турции – «ноль проблем с соседями». Анкара выстраивает отношения с ними в духе сотрудничества. Между соседними странами укрепляется экономическая взаимозависимость. Наметился определенный прогресс в отношениях даже с таким традиционно сложным для Турции партнером, как Армения. Не все здесь у нее складывается, но сама постановка данного вопроса, несомненно, заслуживает внимания.

В этом же плане отметим политику «дружественных, мирных и благосостоятельных соседей» (*mulin, fulin, anlin*) Китая.

Таким образом, для лидерства России в региональном разрезе есть определенные основания, но теоретической и практической работы в этом направлении непочатый край.

Что касается отраслевого лидерства, то у России есть множество заделов в этом плане. Одним из направлений, где наша страна могла бы играть лидерскую роль, должна стать энергетика. Россия занимает ведущие места в мире по запасам, добыче, экспорту энергоресурсов и другим показателям развития энергетики. Вполне естественно ожидать

от нашей страны особой роли в энергетической сфере.

Но какова она должна быть?

На Западе Россию часто называют энергетической сверхдержавой, намекая на использование Москвой энергетических инструментов в политических целях.

На встрече с участниками Валдайского клуба (сентябрь 2006 г.) в то время Президент России В.В.Путин предложил отказаться от использования термина «энергетическая сверхдержава» в отношении России. По его мнению, «это разговоры из прошлого». Не все на Западе соглашались с такой позицией. Министр природных ресурсов Канады Дж.Оливер, например, смело называет свою страну «глобальной энергетической сверхдержавой».

Россия имеет все основания для занятия именно лидирующих позиций в энергетической сфере. Такая задача ставится и в утвержденной 13 ноября 2009 г. Энергетической стратегии России на период до 2030 г.

В ней, в частности, предусматривается «достижение научного и технологического лидерства России по ряду важнейших направлений, обеспечивающих ее конкурентные преимущества и нЛидерская роль Россииацио-нальную, в том числе энергетическую, безопасность»⁴⁰.

В результате реализации мероприятий, предусмотренных Стратегией, «Россия станет региональным лидером в сфере обеспечения евразийской энергетической безопасности». Последнее положение свидетельствует о взаимосвязанности регионального и отраслевого аспектов лидерства.

Однако предусмотренные в Стратегии меры не в полной мере отвечают критериям энергетического лидерства.

Например, в Стратегии ставится задача введения новых и модернизации действующих

мощностей нефтепереработки, благодаря чему глубина переработки нефти достигнет к 2030 г. 89–90%.

Но именно такова уже сегодня планка на нефтеперерабатывающих заводах США, а в отдельных европейских странах и того выше. Даже если эти задачи будут в России решены, то по выработке бензина из одной тонны нефти мы все еще будем значительно отставать от США.

На американских НПЗ из тонны сырой нефти получается 450–500 л бензина, а в России этот показатель будет составлять 250–270 л.

А ведь лидерство – это не только самые высокие показатели эффективности современных технологий, но и освоение новых прорывных направлений в энергетике.

Возможности лидерства России в энергетике видны без микроскопа. Можно было бы говорить о том, например, что Россия в состоянии продолжить лидерство и в геологоразведке, где она традиционно сильна.

Однако лидерство страны – это нахождение и новых сфер, где возможны проблески новизны в соответствии с тенденциями будущего. Тенденциями, которые формируются и развиваются благодаря лидерам. Важнейшее потенциальное направление проявления российского лидерства в этом плане – приграничное сотрудничество. Россия обладает самыми длинными в мире границами и граничит с самым большим количеством стран мира.

Общая протяженность наших границ составляет свыше 60 тыс. км, в том числе сухопутная граница – 14,5 тыс. км.

Наша страна граничит с самыми разными народами и культурами. Нередко это стык цивилизаций (граница России и Казахстана, России и Китая). Все это создает богатейшие

возможности для совместного роста, ведь приграничье может стать источником интенсивного соразвития. Возможности эти многоплановы: от глубоких экономических интеграционных процессов до крупнотурно-цивилизационных проектов. Однако в настоящее время эти возможности нашей страной используются далеко не в полной мере.

Культура приграничья имеет свои особенности.

В. Багно пишет, что «культуры пограничные неизменно являются особенно восприимчивыми к идущим извне влияниям и в то же время ревниво оберегающими свою самобытность. Этой особенностью объясняется столь характерное для них постоянное колебание между двумя полярными тенденциями: охранительной и космополитической, «всемирной отзывчивостью» и сохранением традиций, сочетание которых и является не только естественным, но и единственно возможным для подобного типа культур динамичным фактором их развития»⁴¹.

Важнейшей особенностью пограничного сознания и культуры является связующая, а не разъединяющая миссия.

Таким образом, проблемы лидерства России в современном мире недоосмысленны. Нельзя сказать, что работа в этом направлении не ведется. Ученые и практики внешнеполитической деятельности России обсуждают возможности развития «мягкой» и «умной» силы нашей страны⁴². Подчеркивается приоритетность направления СНГ в российской внешней политике. Для такого лидерства есть определенный потенциал.

Однако систематического подхода в вопросе о том, как превратить потенциальность в актуальность, не

наблюдается. Представляется актуальной задача разработки концепции лидерства России в современном мире. Без разумной амбициозности российское общество вряд ли сможет реализовать свои интересы на мировой арене.

В.В.Путин в своей статье «О наших экономических задачах» говорил о реалиях сегодняшнего дня: «Никогда не была столь острой борьба за лидерство в глобальной конкуренции, и мы видим, как страны, позиции кото-

рых еще вчера казались незыблемыми, начинают уступать тем, к которым еще недавно относились со снисходительным пренебрежением». И далее В.В.Путин предлагает свое видение условий «возвращения технологического лидерства России»⁴³.

Такое лидерство в глобальной конкуренции не приходит само собой, оно достигается только за счет целенаправленных усилий. У России для этого есть все необходимые предпосылки.

Р. С. В январе 2012 г. прошло очередное заседание коллегии МИД России, посвященное вопросам совершенствования работы министерства по обеспечению выполнения Указа Президента России от 8 ноября 2011 г. «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации». При этом отмечается, что «особое внимание обращено на необходимость обеспечения слаженной и бесперебойной деятельности всех звеньев государственного механизма, всех российских министерств и ведомств на внешнеполитическом направлении»⁴⁴.

Но пока мы будем воспринимать внешнеполитические органы государства как механизм, а основное внимание обращать на «слаженность» и «бесперебойность», до тех пор лидерства в региональных, а тем более мировых делах России не видать как своих ушей.

Не механизм, а саморегулирующаяся и саморазвивающаяся система – вот институциональный вектор развития органов осуществления внешней политики России. Не четкость и исполнительность (они должны присутствовать по умолчанию), а креативность, способность самостоятельно решать возникающие проблемы, находить развязки сложных противоречий, умение использовать сетевые методы должны быть основой инструментария российской дипломатии XXI в.

С помощью этих инструментов российское лидерство для дальнейшего совершенствования человеческой цивилизации вполне реально.

Примечания

¹ Выступление министра иностранных дел России С. В. Лаврова на 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 27 сентября 2011 г. // URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/C09DAE5CD94E1381C32579180057F4FF

² Лавров С.В. Международные отношения в зоне турбулентности – где точки опоры? // Дипломатический ежегодник. М., 2011.

³ The future of a democratic Egypt. By Condoleezza Rice // The Washington Post. 2011. Feb. 16.

⁴ Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008.

- ⁵ After America: How does the world look in an age of U.S. decline? Dangerously unstable. By Zbigniew Brzezinski // Foreign Policy. 2012. Jan./Feb // URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/01/03/after_america?print=yes&hidecomments=yes&page=full
- ⁶ Interviews by Fareed Zakaria. Inside Obama's World: The President talks to TIME About the Changing Nature of American Power // Time. 2012. Jan. 19 // URL: <http://swampland.time.com/2012/01/19/inside-obamas-world-the-president-talks-to-time-about-the-changing-nature-of-american-power/#ixzz1jxq32cTC>
- ⁷ Will 2012 Bring the Leaders the World Needs? // Daily Telegraph. 2011. 30 Dec.
- ⁸ Ницше Ф. Полн. собр. соч. в 13 т. Черновики и наброски 1887–1889 гг. М.: Культурная революция, 2006. Т. 13. С. 229.
- ⁹ Баталов Э.Я. Начало XXI века: мир без полюсов, мир без глобального лидера // Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США / отв. ред. А.Д. Богатуров, Т.А. Шаклеина. М.: КРАСАНД, 2010. С. 41–45.
- ¹⁰ Who Rules the World? The Results of the Second Representative Survey in Brazil, China, France, Germany, India, Japan, Russia, the United Kingdom, and the United States. Bertelsmann Stiftung. В. 2007. Oct. 22. P. 13 // URL: http://www.bertelsmannstiftung.de/bst/de/media/xcms_bst_dms_23193_26723_2.pdf
- ¹¹ Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях. Семиотический анализ. Очерки текущей политики. Вып. 2. Научно-образовательный форум по международным отношениям. М., 2006.
- ¹² Столетов О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: *smart power?* // Полис. 2009. № 4.
- ¹³ Чихарев И. «Умная мощь» в арсенале мировой политики // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1(25). Янв.-апр.
- ¹⁴ Павлов Н.В. Политическое лидерство в условиях «канцлерской демократии» // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 11. С. 25–38.
- ¹⁵ Смирнова О.А., Золина Д.М. Роль лидера в процессе принятия внешнеполитических решений (на примере Французской Республики) // Власть. 2009. № 10. С. 118.
- ¹⁶ URL: http://www.fas.org/news/iraq/1998/02/19/98021907_tpo.html
- ¹⁷ URL: <http://hillaryclinton.us/2011/10/17/clinton-shoots-down-2016-bid-again>
- ¹⁸ Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. Wash., 2012 // URL: http://www.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf
- ¹⁹ National Security Strategy, 2010. Published May 27, 2010 // URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf
- ²⁰ A Cooperative Strategy for 21st Century Seapower. 2007. October // URL: <http://www.navy.mil/maritime/Maritimestrategy.pdf>
- ²¹ URL: http://www.atlantic-community.org/index/articles/view/The_Eurasian_Union%3A_A_Threat_to_the_New_World_Order
- ²² Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept For the Defence and Security of The Members of the North Atlantic Treaty Organisation. Adopted by Heads of State and Government in Lisbon. 2010. 20 November // URL: <http://www.nato.int/lisbon2010/strategic-concept-2010-eng.pdf>
- ²³ Глусон Г. Многополярность, американская исключительность и переосмысление истории // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 12. С. 120.
- ²⁴ Интервью заместителя министра иностранных дел России С.А. Рябкова радио «Голос России», программа «Визави с миром». М., 20 декабря 2011 г. // URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/D10352018D1AA2DE4425796D004E9D8C
- ²⁵ The War on Soft Power. By Joseph S. Nye Jr. // Foreign Policy. 2011. April 12.
- ²⁶ CSIS Commission on Smart Power: a smarter, more secure America. Wash., 2007.
- ²⁷ Nye Jr., Joseph S. The War on Soft Power // Foreign Policy. Apr. 12, 2011.
- ²⁸ Growing Minority Wants Minimal U.S. Role in World Affairs. Febr. 21, 2011 // URL: <http://www.gallup.com/poll/146240/Growing-Minority-Wants-Minimal-Role-World-Affairs.aspx>
- ²⁹ The Restoration Doctrine. By Richard N. Haass // The National Interest, Jan./Febr. 2012.

- ³⁰ *Дай Бинго*. Неуклонно идти по пути мирного развития // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 109.
- ³¹⁰ *Мамонов М.В.* Инерция и новации во внешней политике Китая // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 3(24).
- ³² *Колпакова Т.В.* Статус КНР в системе международных отношений // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. Сб. Восточного центра ЗабГУ. 2011. Вып. 10. С. 20.
- ³³ *Фуко М.* Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1975–1976. СПб.: Наука, 2005. С. 132.
- ³⁴ A Strong Britain in an Age of Uncertainty: The National Security Strategy. Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty. Oct. 2010 // URL: http://www.direct.gov.uk/prod_consum_dg/groups/dg_digitalassets/@dg/@en/documents/digitalasset/dg_191639.pdf
- ³⁵ Geneva on the Rhine. By Dominique Moisi // URL: www.project-syndicate.org. 2011-05-20
- ³⁶ Turkey's Zero-Problems Foreign Policy. By Ahmet Davutoglu // Foreign Policy. 2010. May 20.
- ³⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>
- ³⁸ *Кортунов С.В.* Россия в мировой политике после кризиса. М.: Красная звезда, 2011; *Бузгалин А.В.* Россия – иная стратегия // Философские науки. 2010. № 9. С. 9–24; *Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси.* Преимущественная миссия России могла бы определяться как отстаивание правды в мире // Международная жизнь. 2011. № 2.
- ³⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации // URL: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/d48737161a0bc944c32574870048d8f7?OpenDocument>
- ⁴⁰ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года // URL: http://minenergo.gov.ru/activity/energostrategy/full.php?sphrase_id=167605
- ⁴¹ *Багно В.Е.* Пограничное сознание, пограничные культуры // Полярность в культуре. Канун. Альманах. Вып. 2. СПб., 1996. С. 420.
- ⁴² Интервью статс-секретаря – заместителя министра иностранных дел России Г.Б. Карасина // Свободная мысль. 2010. № 12; *Иванов И.С.* «Умная» внешняя политика на службе «умной экономики» // НГ – Дискурьер. 2011. 12 дек.
- ⁴³ *Путин В.В.* О наших экономических задачах // Ведомости. 2012. 30 янв.
- ⁴⁴ Сообщение для СМИ от 16 января 2012 г. О заседании Коллегии МИД России // URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/D19CD22E2945020D44257987002F4BB